

© 1997 г. Н.Д. АРУТЮНОВА

О СТЫДЕ И СТУЖЕ*

Обращение к русскому языку наводит на мысль о несогласованности этимологии слова *стыд* и основного симптома этого чувства – покраснения лица. Русское слово *стыд* восходит к праслав. *studъ, *stydъ "то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть, холод". Этимологическое значение сохранилось в таких словах, как *стужа*, *студеный*, *стынуть*, русск. диалект. *стыдь* (ж.) [СРНГ 1969]¹.

Мороз (холод) способен вызвать румянец, но не залить лицо краской. От мороза или возбуждения можно *раскраснеться*, от стыда и смущения – *покраснеть*. Можно *сгореть* от стыда, но не от мороза. Например: "(Князь) в лорнетку на них смотрит, а они-то отличаются, две сороки, *раскраснелись* ноги вывертывают... Я *сгорела* со стыда, *сгорела*, *сгорела!*" (Достоевский), "*Сгорел* граф Нулин со стыда. / Обиду проглотив такую" (Пушкин). Стандартным эпитетом для слова *стыд* являются прилагательные *горячий* и *жгучий*: "Кто их послушает – те речи, хоть украдкой. / Тот без *горячего стыда* не в силах протянуть руки своей за взяткой" (Полонский). Между тем эпитеты *холодный* и *ледяной* со словом *стыд* в норме не сочетаются.

Существует некий таинственный механизм взаимодействия между психическими состояниями человека и физиологическими процессами, протекающими в его организме. Последние могут "выходить на поверхность", складываясь в систему внешних симптомов, заметных наблюдателю и им интерпретируемых. Совокупность этих симптомов создает семиотический образ человека, состоящий из постоянных и переменных величин, существенно влияющих на прагматику общения. Очевидную прагматическую релевантность приобретают спонтанные реакции на внешние, часто неожиданные стимулы, поступающие по коммуникативным каналам. Такие реакции не лгут, хотя наблюдатель может ошибиться в их интерпретации, поскольку симптомы неоднозначны. Так, можно побледнеть от ужаса и от злобы, можно покраснеть от стыда и от радостного возбуждения. Кроме того, возможна семиотизация незначимых реакций. Приведем тому пример из XXVI главы "Отрочества" Л. Толстого: "Володя ... читал какой-то французский роман, когда ... я вошел к нему в комнату. Он на секунду приподнял голову, чтобы взглянуть на меня, и снова принялся за чтение – движение самое простое и естественное, но которое заставило меня покраснеть. Мне показалось, что во взгляде его выражался вопрос, зачем я пришел сюда, а в быстром наклонении головы желание скрыть от меня значение взгляда. Эта склонность придавать значение простому движению составляла во мне характеристическую черту того возраста".

В то же время организм человека, по-видимому, настроен на дифференциацию симптомов, за которыми скрываются разные смыслы; см. об этом [Апресян 1995: 366–373]. Наблюдатель улавливает существующие между ними различия, но не всегда может их описать. В сущности язык симптоматики не богат и не разнообразен, тогда

* Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 96-24-06230).

¹ Автор приносит искреннюю и глубокую благодарность за данные по славянским языкам Светлане Михайловне Толстой и за сведения по древнерусскому языку Ирине Ивановне Макеевой.

как стоящие за ним психологические состояния обладают множественными средствами выражения. Поэтому внешние симптомы идентифицируются не по означаемому, а по означаемому; ср. – *Вы недовольны? (Вы мне не верите?) – Откуда вы знаете? – По глазам вижу (Видно по вашему лицу).*

Однако, когда речь идет об изменении окраски лица, широко используются имена цветов, производные от них глаголы, а также температурная и "огневая" лексика (*вспыхнуть, запылать, сгореть* и т.п.) [Апресян 1995: 372–373].

При этом язык хорошо координирует оттенки цвета с соответствующими им эмоциональными стимулами. Так, *багровеют* от ярости и гнева, а сам багровый цвет имеет отрицательные коннотации; *пунцовый* цвет – свидетельство стыдливости и смущения; *зардеться, заалеться, порозоветь* можно от радостного возбуждения или иного приятного чувства, вызванного, например, успехом или комплиментом. С этими глаголами в норме связаны положительные коннотации. Целям дифференциации эмоциональных стимулов служат также указания на "границы" покраснения или иные уточнители. Так, краснеть можно от самых разных причин; например: "*...пылая собственным достоинством, весь красный от пунша и от амбиции, он в свою очередь уставился на досадного старика*" (Достоевский). Однако *покраснеть до ушей (до корней волос, до слез, как рак)* можно только от чувств гаммы стыда (неловкости, опозоренности, сильного смущения и пр.). *Румянец* – знак здоровья, мороза, радости и жизни в деревне. Слова *румянец, румяный, разрумяниться, зарумяниться*, имеют положительные коннотации, идет ли речь о лице, заре или выпечке. В ситуации болезни (лихорадки, жара, чахотки) или отрицательных эмоций слово *румянец* избегается или, по крайней мере, используется реже. В таких случаях чаще говорят: *лицо горело, на щеках появились красные пятна*, хотя употребительны и такие выражения как *лихорадочный (болезненный) румянец*. *Сгореть* можно от стыда или провала, *горят и загораются* обычно страстью, желанием или нетерпением. Это легко понять: стыд умалывает и как бы уничтожает человека, он не целенаправлен; напротив, желания и страсти остаются неудовлетворенными, пока не достигают своей цели. Применительно к ним употребляются глаголы несовершенного и начинательного вида.

Касаясь проблемы цветовых симптомов, интересно отметить, что все они относятся только к лицу – открытой и наиболее семиотизированной части человеческого тела. Когда речь идет об изменении цвета лица, субъектом предложения обычно является не *лицо-лик*, а *лицо-личность*. Говорят: *Иван весь покраснел (побледнел, раскраснелся, позеленел, посерел, почернел, побагровел* и т.п.). При этом даже весьма частое употребление местоимения *весь (вся)* не свидетельствует о расширении цветового поля за пределы лица. В предложении *Сановное лицо вдруг все позеленело от злости* речь идет о лице-персоне, а не о лице-лице. В то же время само изменение цвета касается только лица-лика. Поэтому приведенное предложение в принципе допускает двойное прочтение. Мы не беремся судить о том, как меняется цвет лица под маской или паранджой, но очевидно, что цветовые и тепловые реакции лица и остального тела в цивилизованном мире различны. М. Волошин приводит следующий рассказ Дарвина. Совершая кругосветное путешествие, Дарвин увидел в студеный день голого дикаря и спросил его: – *Как Вам не холодно?* Тот ответил вопросом на вопрос: – *А твоему лицу не холодно?* – *Нет*, – ответил Дарвин. – *Ну так у меня везде лицо.* – последовал ответ [Волошин 1988, с. 399]. Однако в зависимой позиции обычно фигурирует *лицо-лик*; ср.: *Краска залила (покрыла) его лицо, Краска ударила ему в лицо, Краска заиграла у него на лице*. Поскольку основным цветовым симптомом является красный цвет, слово *краска* в контексте таких выражений относится только к нему. Например: "*...краска беспрестанно прилиwała и отлиwała от ее лица, и она начинала громко и смело говорить, большею частью глупости, чувствуя это, чувствуя, что все и папа слышат это, и краснела все больше*" (Л. Толстой).

В русском языке, как мы могли убедиться, существует немало глаголов для

обозначения симптома покраснения лица. Все они отсылают к названию цвета, реже, к огню, горению: *покраснеть, покраснеться, закраснеться, разругаться, зарумяниться, зардеться, заалеться, порозоветь, побагроветь, стать пунцовым, вспыхнуть, запылать* и др. В английском же языке существует обратная тенденция: в нем предпочтение отдается одному глаголу – *to blush*, лишь косвенно ассоциируемому с названием цвета, зато входящему в число обозначений эксклюзивных атрибутов человека: "Man is the only animal that blushes" (Mark Twain).

Итак, слово *стыд* этимологически родственно имени *студъ* и глаголам *стыгнуть, стынуть* [Фасмер 1971; Срезневский 1958; Маковский 1992: 44]. Между тем, от чувства стыда человека бросает не в холод, а скорее в жар, вызывающий покраснение его лица. Как можно объяснить это противоречие?

Прежде, чем попытаться ответить на этот вопрос, следует сказать несколько слов о сценарии стыда и распределении в нем ролей.

В ситуации стыда участвуют двое – "Я" (Эго) и Другой. О понятии "Другого" и его роли в формировании сознания см. [Sartre 1943; Deleuze 1972; Ortega y Gasset 1972; Бахтин 1979]. Основная идея Сартра состоит в следующем. Другой (*autrui*) как бы объективирует Эго, превращая его из субъекта познания в его объект. Благодаря появлению Другого "Я" в состоянии судить о себе. Другой превращает "Я" в объект оценки. Он не только открывает мне меня, но он создает меня нового, возбуждая во мне новые чувства, выделяя во мне новые параметры и применяя к ним новые оценки. Так, "Я" не могу ощутить вульгарности своих жестов и действий, если их никто не видит. Другой задает область стыда и очерчивает ее границы. Они объемлют то, что приобретает значимость при свидетелях. Я нуждаюсь в Другом, чтобы в полной мере осознать структуру своей личности. Бытие-для-себя оказывается обусловленным бытием-для-другого (*le Pour-soi renvoi au Pour-autrui*). Я стыжусь себя таким, каким кажусь Другому. Стыд как бы регулирует мои отношения с собой через посредство Другого [Sartre 1943 : 275–277]. Сходные мысли выражал М.М. Бахтин в период доработки своей книги о Достоевском. Он писал: "У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому или глазами другого*" [Бахтин 1979: 312, курсив автора] и далее: "Раскрылась роль другого, в свете которого только и может строиться всякое слово о себе самом. Раскрылась сложность простого феномена смотрения на себя в зеркало: своими и чужими глазами одновременно, встреча и взаимодействие чужих и своих глаз, пересечение кругозоров (своего и чужого), пересечение двух сознаний" [Бахтин 1979: 313–314].

Важно подчеркнуть, что понятие стыда скрывает за собой некоторую систему оценок: нормативных, этических, этикетных, эстетических, наконец, смеховых (юмористических). Итак, *стыдно* – это вид оценки. За Другим стоит общество. Его оценки подвижны и исторически обусловлены. "Стыд – явление не индивидуального, но общественного характера. Стыд – это обычно внутреннее мерило принятого и непринятого. Стыд – это наша органическая связь с обществом, посредством стыда выражает свои запрещения гений рода, гений общественности, подсознательно пребывающий внутри нас и неустанно ведущий борьбу с устремлениями нашего индивидуального сознания" [Волошин 1988: 404].

Другой, таким образом, не только свидетель, но и судья. Он влияет не только на мое поведение, но и на мое восприятие мира. М.М. Бахтин писал: "Свидетель и судья. С появлением сознания в мире ... мир (бытие) радикально меняется. Камень остается каменным, солнце – солнечным, но событие бытия в его целом (незавершенное) становится совершенно другим, потому что на сцену земного бытия впервые выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судья. И солнце, оставаясь физически тем же самым, стало другим, потому что стало осознаваться свидетелем и судией. Оно перестало просто быть, а стало быть в себе и для себя ... и для другого, потому что оно отразилось в сознании другого (свидетеля и судьи): этим оно в корне изменилось, обогатилось, преобразилось" [Бахтин 1979: 341].

Свидетель и судья оценивает мои действия и выносит приговор. Небезынтересно отметить, что, познав стыд, Адам и Ева его испытали не столько друг перед другом, сколько перед Богом, хотя в исповеди Богу человек как раз не знает стыда: *И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся* (Быт. 3.9, 10). Бог-Творец стал для человека, познавшего стыд, Свидетелем и Судией. В библейской версии в сферу стыда входило плотское начало человека ("низ"), противопоставляемое его духовному началу – "верху", обращенному к небесной тверди. Устыдившись "низа", человек осознал свою духовность. В.С. Соловьев истолковывал ответ Адама Богу в духе картезианского cogito: "Я услышал божественный голос, я убоялся возбуждения и обнаружения своей низменной природы, я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и нравственно, я стыжусь своей животности, следовательно существую как человек" [Соловьев 1996: 9].

Стыд выделил человека из животного мира. Понятие стыда, таким образом, связано с одной из важнейших для формирования мира человека оппозиций – противопоставлением верха и низа, мира небесного и мира хтонического, духа и плоти. О системе оппозиций, лежащих в основе древнеславянской культурной традиции см. [Иванов, Топоров 1974]. Бинарные противопоставления в сербской народной традиции были детально изучены Н.И. Толстым. Н.И. Толстой учитывал в своих исследованиях взаимоотношения признаков оппозиций внутри общей системы, а также степень их осознаваемости носителями языка. Он писал: "При исследовании отдельной, единичной системы бинарных оппозиций следует определить и то, каким образом осуществляется взаимная связь парных противопоставлений внутри этой системы. Устанавливается ли она в некотором смысле косвенным путем на основе анализа фольклорных текстов, ритуальных действий, запретов, оберегов и подобных представлений, или же она непосредственно отмечается самими носителями народной культурной традиции в определенных ситуациях и условиях, в конкретных символическо-семантических сферах. В первом случае эта связь может не осознаваться носителями традиции или осознаваться слабо, во втором – она осознается четко и явно прокламируется. Во всяком случае, помимо выяснения соотношения бинарных оппозиций, важно определение соотношения различных символическо-семантических сфер и ситуаций" [Толстой 1995а: 152]. Н.И. Толстой, в частности, отметил, что в сербской народной традиции оппозиция *верхний – нижний* соотносительна с фундаментальной для человеческой культуры оппозицией *мужской – женский* [Толстой 1995а: 156; ср. Толстой 1995б: 346]. Рефлексы этой связи заметны в том, что понятие стыда более непосредственно ассоциируется со слабым, чем с сильным полом. Так, говорят о *девичьем, девическом, девчоночьем*, но не о *мужском* стыде. Выражение *потерять стыд* чаще применяется к женщинам, чем к мужчинам. *Стыдливость* – свойство скорее женщин, чем мужчин. Ассоциация стыда с женщинами обычно проявляет себя тогда, когда акцентируются добродетели слабого пола. *Blushing is the colour of virtue*, говорят англичане. Вернемся, однако, к прагматике стыда.

В ситуации стыда участвуют "Я" (Эго) и Другой. Их положения неравны: Другой в том или ином отношении занимает привилегированную позицию. Их чувства взаимообусловлены. Стыд "двуличен", двусторонен. "Я" совершает некоторое ненормативное действие – речевое или неречевое, намеренное или нечаянное. Оно подлежит этической или социо-этикетной оценке. Другой является его свидетелем или осведомлен о нем. Он осуждает действие, а следовательно, и деятеля (агенса). Он как бы отторгает его от себя. Эго это видит и осознает. Он начинает воспринимать себя отстраненно. Он смотрит на себя глазами Другого. Он видит свой образ в зеркале чужого сознания. *"Друг друга отражают зеркала, \ Взаимно искажая отражения"* (Г. Иванов). Эго узнает себя в этом отражении. Ему неловко перед Другим. Он чувствует, что "теряет лицо", и лицо его краснеет.

Приведем лишь один пример ситуации стыда, взятый из текста "Униженных и ос-

корбленных" Достоевского: "Нелли была бледна; но, взглянув на меня и уверившись, что я все видел и знаю, вдруг покраснела; этой краской сказывался нестерпимый, мучительный стыд. ... – Нелли, ты просила милостыню?... Неужели тебе не стыдно? – Стыдно... – прошептала она чуть слышным голосом... – Стыдно... – повторил я за ней".

Стыд оказывается результатом двойного рикошета. Мое "действие", оцененное сначала Другим, а вслед за ним и мною, наносит мне удар двойной силы: мне стыдно перед Другим и перед собою. Можно утверждать, что стыд относится к разряду рикошетных эмоций. Он формируется в контексте социо-персонального взаимодействия.

Особенно благоприятствуют возникновению ситуаций стыда отношения неравенства – социального или возрастного. Стыдятся (или, по крайней мере стыдились) более всего люди, социально "униженные", а также дети и юноши, еще не овладевшие правилами поведения в обществе. Дети и очень молодые люди стыдятся и перед старшими и друг перед другом. В "Детстве. Отрочестве. Юности" Л. Толстого (объем повести 330 стр.) ситуация стыда и покраснения лица отмечена автором около 70 раз, а в "Униженных и оскорбленных" Достоевского (объем романа 273 стр.) – немногим более 50. В обоих произведениях "проблема стыда" возникает примерно один раз на пяти страницах текста. Если же исключить пассажи, не имеющие отношения к интерперсональному взаимодействию, то "удельный вес" стыда очевидно увеличится. Приходится констатировать, что современная демократизация общества и так называемая массовая культура скорее сужают, чем расширяют границы стыда. Очень враждебно относятся к стыду и вежливости революции своим стремлением "раздеть" человека и физически и духовно. "Долой стыд!" был одним из любимых лозунгов пролетарской молодежи в послереволюционный период. Лозунг был стыдливо стерт, но вместе с ним побледнела и стыдливость. Напомним строки А. Вознесенского: *"Нам, как аппендицит, \ поудалили стыд. \ Бесстыдство – наш удел. \ Мы попираем смерть. \ Ну, кто из нас краснел? \ Забыли, как краснеть! \ сквозь толщи наших щек \ не просочится свет. \ Но по ночам – как шов, занает – спасу нет!*

Выражая первоначально непосредственную диалогическую реакцию, стыд перешел в категорию чувств, переживание которых не требует с необходимостью присутствия Другого. Фигура Другого допускает интериоризацию, а симптомы стыда могут появляться у человека, находящегося наедине с самим собой. Приведем несколько примеров: *"При этом воспоминании Павел Александрович вдруг остановился, как вкопанный, и покраснел до слез от стыда"* (Достоевский), *"Зина осталась одна. ... Она готова была презирать себя. Щеки ее горели. Со сжатыми руками, стиснув зубы, опустив голову, стояла она, не двигаясь с места. Слезы стыда покатались из глаз ее"* (Достоевский). "Уединенный стыд" обычно бывает стимулирован живым воспоминанием постыдных сцен. Однако он возможен и при их отсутствии. "Постстыд" сближается в этом случае с угрызениями совести, например, раскаянием в упущенной возможности сделать доброе дело. Таков стыд князя Мышкина: *"Новый, нестерпимый прилив стыда, почти отчаяния, приковал его на месте, при самом входе в ворота"* (Достоевский). Разрыв прямой связи чувства стыда с соответствующей прагматической ситуацией сближает его с воздействием на человеческое сознание совести. Даль даже определяет *прямой стыд* как внешнее проявление совести. Вместе с тем понятия *стыда* и *совести*, формирование которых знаменовало собою два важнейших этапа в становлении феномена человека, допуская сближение, сохраняют принципиальные различия. Мы не можем здесь останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что *стыд* и *совесть* занимают разное место в структуре внутреннего человека: стыд относится к категории чувств (эмоциональных состояний), совесть является постоянной компонентой, оказывающей воздействие на поступки человека и относящиеся к ним переживания [Апресян 1995: 352–354].

Присутствие в ситуации стыда Другого имеет еще одно важное следствие. Это,

опасаясь суждения и осуждения Другого, стремится скрыть от него свой "низ" и свои слабости. Он бежит Другого. "Нам так хорошо в мире природы, – говорил Ницше, – потому что у нее нет о нас мнения". Стыд очертил и обособил в человеке интимную сферу, сокровенное. Стыд создал тайну, и опоясание из листьев смоковницы, которым Адам и жена его прикрыли свои чресла, стало ее символом. Стыд не только связывает человека с обществом, но и разделяет их. "Стыд, стыдливость – всегда один из эффектов сознания. История Адама и Евы, ощутивших стыд немедленно после того, как они приоткрыли дверь познания Добра и Зла, повторяется в каждом человеке. Когда человек сознает себя вдруг чем-то отдельным, непохожим на других, то он прежде всего по особому инстинкту самосохранения спешит скрыть свою особенность. Стыд – это свойство индивидуальности. Гений рода не знает стыда" [Волошин 1988: 401]. Стыд ставит предел откровенности даже между близкими людьми. "Мы доходили иногда в увлечении откровенностью до самых бесстыдных признаний, ... – пишет Л. Толстой о своей юношеской дружбе, – и эти признания не только не стягивали больше связь, соединявшую нас, но сушили самое чувство и разъединяли нас". В форме светского *mot* эту мысль выразил О. Уайлд: "A little sincerity is a dangerous thing, and a great deal of it is absolutely fatal".

Стыд распространяет свое действие и на смысл речи, и на ее форму. В первом случае он причастен к истинностному значению высказывания. Опасаясь "наготы", стыд стремится его редуцировать к "голым фактам". Он заставляет опускать детали и частности. Он противится полноте истины. Во втором случае стыд побуждает заменять прямые способы номинации косвенными. Он создает эвфемизмы. Он пользуется окольными средствами выражения.

Стыд, таким образом, положив начало формированию сознания, стимулировал развитие внутреннего человека, индивида – с одной стороны, и члена социума, подчиненного определенным нормам поведения, – с другой. Стыд – одновременно свойство личности, оберегающей свою индивидуальность, и свойство социума, оберегающего себя от проявлений индивидуальности.

Стыд предполагает дистанцирование. Оно может развиваться в противоположных направлениях: от Другого и от Эго. В первом случае стыд испытывает тот, кто отступает от поведенческой нормы. Другой (социум) гонит его от себя. Во втором случае, стыд испытывает Другой (наблюдатель). Эго, отступая от правил, напротив, не испытывает никакого стыда. Он презирает нормативные акты. Он волен в своих действиях. Другой вынужден отступить от отступника. Он отворачивается и уходит прочь.

Ситуации первого типа возникают вследствие несоблюдения форм и норм социального поведения. В основе ситуаций второго типа лежит нарушение правил приличия. Стыд эволюционирует в сторону срама. В первом случае речь идет преимущественно о публичных ("прилюдных") действиях, во втором – об интимных, не осуществляемых на виду и вслух. Это касается как речевых, так и иных актов. В первом случае нарушение может быть нечаянным, сделанным по неведению или неумению; во втором оно всегда сознательно. Это вызов, эпатаж, демонстрация. Проиллюстрируем ситуацию-2 следующим примером: "А ведь действительно бабенка-то недурна. Как вы думаете? – снова начал свои неприличные выходки господин Голядкин-младший... Герой наш вспыхнул как огонь от слов не знающего стыда господина Голядкина-младшего" (Достоевский). Для нас существенно, что и в том и в другом случае ситуация стыда предполагает движение *от*: *от*-талкивание, *от*-вращение, *от*-ступничество, *от*-межевание.

Итак, в стыде соединились два чувства: чувство-оценка Другого (социума) и вызванная им эмоциональная реакция того, кто отступил от нормы. Эти чувства очень различны. Не случайно говорят "Людской стыд смех, а свой – смерть". Вместе с тем оба они присутствуют в слове *стыд*. В словарях обычно первым ставится значение, характеризующее чувства "отступника", а вторым – значение, относящееся к оценке его действия Другим (социумом). Иначе говоря, сначала указывается результат (реак-

ция), а вслед за ним – причина (стимул). Ср. в словаре Ушакова: 1. *чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка*; 2. *позор, бесчестье*. Даль выделяет в качестве первого значение "самоосуждение, раскаяние", а в качестве второго – "срам, позор, посрамление, поругание, унижение в глазах людей". Это второе значение, по Далю, присуще обеим формам слова – *студъ* и *стыдъ*, тогда как первое значение более свойственно слову *стыдъ* [Даль, т. IV, 1980: 347]. Срезневский также отмечает для слова *студъ* значения, характеризующие чувство-отношение, такие как "оскорбление", "поругание", "поношение", "посрамление": *Стыд ему бывает и поношение*. Прилагательное *студеный* может иметь значение "посрамленный", "опозоренный", "отвратительный", то есть относится к тому, на кого пал позор [Срезневский, 1958]. Преображенский дает для слав. *stud, *pristud значение "отвращение", а для глагола *studiti – значение "гнушаться". Ассоциация с холодом, как отмечает Преображенский, повела к изменению вокализма в слове *студъ* под влиянием глаголов *стыть*, *стынуть* (*стыгнуть*) [Преображенский 1910].

Заметим попутно, что Эрну и Мейе считают, что латинские слова группы "стыд" (*pūdet*, *pūditum est*, *pūduit*, *pūdere*, etc.) имели в качестве первичного значение "отталкивание, отторжение" (*mouvement de repulsion*) [Ernout, Meillet 1959].

По-видимому, понятие стыда первоначально ассоциировалось с отношением (оценкой) Другого (других людей, социума) к тому, кто отступил от поведенческой нормы. Предавая виновного посрамлению, Другой отторгает его от себя. Он испытывает к нему чувство холода. "Холод" имеет в русском языке устойчивые отрицательные коннотации; ср.: *постылый* "неприятный", "надоевший", *опостылет* "надоесть"; слова *мерзкий*, *мразь*, *мерзость* образованы от одного корня со словом *мороз*. В древнерусском языке слово *студенець* означало "колодезь", "яма для выброса нечистот", "ров", "пропасть", а сочетанием *студенець истления* называли "ад, бездну, в которую повергают грешников" [Дьяченко 1993: 679–680]. В современном языке *холодным* называют дистанцированного человека, не ищущего ни близости, ни дружбы с другими людьми. Холодный тон – знак отчуждения. Когда гаснет любовь, наступает *охлаждение*. В "Полтаве" Мария жалуется: "Любовь смиренная моя \ *Встречает хладную суровость*". Словом *остуда* называют охлаждение в отношениях между людьми. В игре в прятки "хор" кричит "Холодно!", когда ищущий далек от цели, и "Горячо!", когда цель близка. Слово *мерзко* также может употребляться для выражения отрицательного отношения к человеку; ср.: реплику Настасьи Филипповны о Тоцком: "И так мне мерзко стало вдруг на него" (Достоевский).

"Холод" – симптом (а затем и знак) дистанции, отчуждения. Поэтому ассоциация отношения Другого (социума) к "отступнику" с ощущением холода и омерзения кажется естественной. Она естественна и в том случае, когда Другой отдаляет от себя виновного и тогда, когда отдаляется от него сам.

Теперь посмотрим, есть ли основания считать возможной симптоматику холода применительно к ощущению осуждаемого, посрамленного человека. Кажется, такие основания есть. Ведь, отстраняя его от себя, Другой как бы обдает его холодом, окатывает ушатом холодной воды, "облекает в студъ"; ср: *Да облекутся в студъ велеречущи на мя* (Псал. 34.26). Холод вызывает оцепенение, ооченение. Человек сжимается, ежится, *у-ниж-ается*, втягивает голову в плечи. У него стынет кровь. Сходные эффекты зарегистрированы и у стыда; ср. одно из толкований слова *стыд* у Даля: "застывание крови от унижительного, скорбного чувства". Вспоминая пережитые некогда стыд и унижение, Татьяна говорит Онегину: "Не правда ль? Вам была не новость \ Смирненной девочки любовь? \ И нынче – Боже! – *стынет кровь*, \ Как только вспомню взгляд *холодный* \ И эту проповедь... (Пушкин). Эффект холодного взгляда оказался устойчивым. Прошли годы. Онегин пал к ногам Татьяны и припал к ее руке. Он смотрит на нее больным, молящим взором. Но Татьяна помнит *взгляд холодный* и у нее *стынет кровь*. Стыд, осложненный чувством неуспеха, провала,

отверженности, сопровождается ощущением холода, бледности, умаления; например: "Так иногда среди нашей сцены \Плохой питомец Мельпомены, \Внезапным свистом оглушен, Уж ничего не видит он, \Бледнеет, ролю забывает, Дрожит, поникнув головой, \И заикаясь умолкает \Перед насмешливой толпой" (Пушкин). Получив отказ в займе, Макар Деушкин так описывает свое ощущение: "... лучше бы было, если бы земля подо мной расступилась; *холод такой, ноги окоченели, мурашки по спине пробежали*" (Достоевский).

Еще определенной сказывается на симптомах стыда присоединяющееся к нему чувство страха. Поругание, посрамление могли иметь своим следствием низведение человека до статуса отверженного, изгоя, как это нередко имеет место в первобытных обществах, в частности африканских. Негры от стыда не краснеют, а бледнеют (серееют). Их охватывает страх перед отторжением от общины [Синицына 1978]. Напомним, кстати, что нарушение запрета и последовавшее за ним ощущение стыда обернулись для Адама и Евы изгнанием из садов Эдема. Стыд и страх нередко идут в паре; ср. у Пушкина: "Он проснется с содроганием \Полон *страха и стыда*". Вот еще характерный пример: "Но каково же было изумление, исступление и бешенство, каков же был *ужас и стыд* господина Голядкина-старшего, когда господин Голядкин-младший ... *без всякого стыда* ... вырвал свою руку из руки господина Голядкина-старшего" (Достоевский).

Таким образом, сам "состав" чувства стыда вариативен. К нему может примешиваться робость, раскаяние, страх, а страх вызывает ощущение холода (от страха холодеют) и бледности (от страха бледнеют). В древнерусском языке глагол *стыдиться* использовался в значении "бояться" даже безотносительно к ощущению вины или проступка. Так, были в ходу выражения *стыдиться сильного, стыдиться лица сильных*; например: *дълати всякіе государевы дъла, не стыдяся лица сильных*; ср. также близость значений *стыдиться* и *робеть*; например: *Гость же со своей стороны тоже не начинал ничего, робел ли, стыдился ли немножко ... понять трудно* (Достоевский). С этим же значением связано отмеченное для древнерусского языка употребление глагола *стыдиться* в смысле "почитать", "уважать". Такое семантическое взаимодействие легко понять. Участники ситуации стыда не равны. Тот, кто испытывает стыд, низведен на более низкую ступень своим поступком или занимает более низкую позицию в социальной иерархии, чреватую унижением, ущемлением и даже наказанием. Он, поэтому, проявляет к вышестоящим чувство робкого почтения, являющееся своего рода защитной реакцией от возможного попиранья.

Движение роденовской Евы, прикрывающей лицо согнутыми в локте руками, – это и симптом стыда и жест обороны, защиты от наказания, то есть симптом страха. Напомним, что фигура Евы предназначалась для "Адских врат". Вот как описывает скульптуру Родена Рильке: "Голова глубоко погружена во мрак рук, стиснутых на груди как от холода. Спина согнута, шея вытянута почти горизонтально, все тело наклонено вперед..." [Рильке 1994: 87].

Любопытно отметить, что познав стыд наготы, Адам и Ева сшили себе опоясания и ими прикрылись. Когда за нарушение запрета они были изгнаны из райских садов, "сделал Господь Адаму и жене его одежды кожаные и одел их" (Быт. 3.21). Ощущение холода как бы пришло к Адаму и Еве вместе с чувством стыда и отторжением от Бога, низведением на землю. И стыд и холод пользуются сходным средством защиты – прикрытием.

Подведем короткий итог. Можно предположить, что словом *стыд* первоначально обозначалось отношение Другого (социума) к "отступнику". Ассоциация с холодом была вызвана фактором отчуждения, отталкивания нарушителя. Ощущение Другого передавалось виновному, у которого возникало болезненное чувство отверженности, позора, осложненное унижением и страхом наказания.

Нам осталось попытаться ответить еще на один вопрос: почему столь резко изменилась симптоматика стыда? Почему начало фразы *Он похолодел (побледнел)*...

никак не наводит на мысль о стыде, а когда нам говорят *Он покраснел* или *Он покраснел до ушей (до корней волос)* мы почти наверняка знаем, что причиной симптома был стыд? И, напротив, как отмечает Даль, "когда кровь в лице вступит, то обычно говорят *она стыдится*, хотя это не всегда верно" [Даль, т. IV, 1980: 347].

Выше уже говорилось, что стыд может быть вызван разными причинами; и, соответственно с ними, принимать разную эмоциональную и физическую окраску. Цивилизация в процессе своего становления неустанно расширяла границы стыда [Elias 1976, Захарьин 1995]. Социум диктовал правила поведения в доме и вне дома, за столом и в обществе других людей. Параллельно этическим нормам постепенно складывалась разветвленная система правил приличия. Человек все больше подпадал под двойной контроль – себя и других людей. Наряду с гражданским и уголовным кодексами, оберегающими мораль, появляется кодекс правил цивилизованного поведения, охраняющий "маленькую мораль" (этикет). Нарушение этикета, особенно в светском обществе, влияло на социальное положение человека и потому каралось. Оно сказывалось и на отношениях между людьми. В главе "Юности", посвященной понятию *comme il faut*, Л. Толстой признается: "Мне кажется даже, что, ежели бы у нас был брат, мать или отец, которые бы не были *comme il faut*, я бы сказал, что это несчастье, но что уж между мной и ими не может быть ничего общего". Однако отступление от норм этикета вызывало стыд, но не страх. За нарушение правил поведения устанавливается штраф, а не срок.

Этические нормы отделились от этикетных, чувство стыда от угрызений совести. Нарушение социальных конвенций не влекло за собой отторжения от социума (клана, касты, общины). Связь стыда с чувством унижения или страха пошла на убыль. Напротив, усилилась ассоциация стыда с нарушением границ личной сферы, вторжением Другого в душу и в частную жизнь индивида, в область его интимных переживаний. Проиллюстрируем это рассуждение Макара Девушкина о том, как посторонние люди стремятся заглянуть в личную сферу бедного человека: "Да уж если вы мне простите, Варенька, грубое слово, так я вам скажу, что у бедного человека на этот счет тот же стыд, как и у вас, примером сказать, девический. Ведь вы перед всеми – грубое-то словцо мое простите – разоблачатся не станете; вот так точно и бедный человек не любит, чтобы в его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то там его отношения будут семейные, – вот". И несколько ниже: "Да и в присутствии-то я сегодня сидел таким медвеженком, таким воробьем ощипанным, что чуть сам за себя со стыда не сгорел. Стыднешонько мне было, Варенька! ... Чего! сам Степан Карлович сегодня начал было по делу со мной говорить, говорил-говорил, да как будто невзначай и прибавил: "Эх вы, батюшка Макар Алексеевич!" – да и не договорил остального-то, об чем он думал, а только я уж сам обо всем догадался, да так покраснел, что даже лысина моя покраснела ... Уж не проведали ли чего они! А Боже сохрани, ну, как об чем-нибудь проведают! ... Ведь этим злодеям нипочем! выдадут! всю частную твою жизнь ни за грош выдадут: святого ничего не имеется" (Достоевский).

Таким образом, симптоматика стыда может меняться в зависимости от прагматического контекста, налагающего на него тот или другой отпечаток, сдвигающего его то в сторону страха и унижения, то в сторону смущения и неловкости при обнаружении сокровенного, то в сторону раскаяния за проступок. Соответственно варьируются внешние проявления стыда. Заметим, что переход от жара к холоду, от покраснения к бледности, сколь бы резким он ни казался, протекает постоянно и естественно. Лихорадка бросает человека то в жар, то в холод. Эффект жара и стужи в чем-то сходны. Так, *палящим* может быть и жар, и мороз (сочетание *палящий мороз* отмечено Далем в статье "студа"). Попав в неловкое положение, человек то краснеет, то бледнеет. Очень сильная степень стыда, осложненного страхом унижения, может вызывать не покраснение, а побледнение лица; например: "*Вдруг Ипполит поднялся, ужасно бледный и с видом страшного, доходящего до отчаяния стыда на искаженном своем лице*" (Достоевский); Тогда, когда чувство стыда окрашено одновременно разными эмоциональными нюансами, симптоматика стыда может соединять контрастные

ощущения; например: "Мне бы лучше домой пойти. Яков Петрович, – говорил наш герой, *горя на мелком огне и замерзая от стыда и ужаса все в одно время*" (Достоевский). Аналогичный эффект могут вызывать и другие "смешанные чувства": *Все тихо – страх его объемлет. \ По нем текут и жар и холод*" (Пушкин). Эти строки были выбраны Б.А. Лариным в качестве эпиграфа к статье, в которой он продемонстрировал, что связь чувства стыда с физическим ощущением холода не случайна. Она подтверждается не только этимологией слова *стыд*, но и этимологией его синонима – слова *срам* (*сором*), в основе которого также лежит понятие холода. Рефлексы этой связи прослеживаются в балтийских языках; ср.: лит. *sąrma*, лат. *sarma* "изморозь", "иней" (Ларин 1958, 156).

Ассоциация *срама* и *холода* подтверждает мысль о том, что ее источник коренится в чувстве-отношении Другого (социума) к провинившемуся. Другой, осуждая его действие, испытывает к нему отвращение, отталкивает его от себя. Слово *стыд* также первоначально отражало позицию социума и ее симптоматику – холод отвержения. Постепенно синонимия этих слов шла на убыль. *Срам* сохранил связь с позицией Другого, *стыд* ослабил эту связь, закрепив за собой значение, отражающее чувство виновного. Это различие прослеживается в сочетаемости слов *стыд* и *срам*, а также в значении их дериватов. *Стыд* и *срам* употребляются параллельно только в значении "позор": *А нечистым трубочистам стыд и срам, стыд и срам!* В остальном их поведение резко расходится. "Срам" не принадлежит к категории чувств, входящих в своего рода "джентльменский набор" человека. Поэтому нельзя *испытывать* (*чувствовать, ощущать*) *срам*. Не говорят *Мне срамно. Нельзя *сгореть* и даже *покраснеть от срама*. *Осрамить* значит опозорить в глазах других людей, выставить на общее осуждение или осмеяние; *пристыдить* (*устыдить, застыдить*) можно и публично и наедине. *Посрамляя*, апеллируют к публике, зрителям, *стыдя* – к провинившемуся, его внутреннему чувству, его совести. *Стыдиться* значит испытывать стыд (осуждать себя), *срамиться* значит покрывать себя позором в глазах других, при этом не обязательно испытывая чувство стыда. Слово *стыд* охотно входит в бытийные конструкции: *У тебя нет стыда. Оказалось, что у него все же есть стыд*. Слово *срам* в таких контекстах невозможно, ибо у срама (не в "предметном" смысле) нет "собственника".

Стыд, как и совесть, неотъемлемая собственность человека. Отсутствие стыда рассматривается как аномалия. Оно может повлечь за собой "присутствие" срама: *бесстыдник* и *срамник*, *бесстыдный* (*постыдный*) и *срамной* близки по смыслу. Семантическое развитие слова *стыд* шло от оценки к чувству. Слово *срам* в русском языке остановилось на первом этапе – оценке действия или ситуации наблюдателем. Однако в ряде других славянских языков и диалектов слово *срам* эволюционировало в направлении к "стыду"; ср.: болг. *срам*, означающее и "срам, позор" и "стыд", *срамный*, значащее и "постыдный, похабный, гадкий" и "стыдливый, застенчивый": глагол *срамотъ* значит и "стыдить" и "позорить". Слово *стид* в болгарском является устарелым, а *срам* и его производные приобрели семантический синкретизм [Речникъ 1904: 238–239]. Аналогичная картина наблюдается и в словенском языке, в котором *sram* возобладал над стыдом: вместо *stiditi se* в современном словенском употребляется *sramovati se*, вместо *stiden – sramežljiv*. Широко используются и многие другие производные от слова *sram* [Slovar 1985: 891–892]. В белорусском языке также в ходу одно слово – *сорам* – в значении "стыд" и в значении "позор", а слово *соромна* значит "стыдно". В туровском диалекте (Полесье) также предпочтение отдается слову *сором*, хотя используется также его синоним *стыд* [ТС 1987: 75–76, 113].

Таким образом, слова со значением социальной оценки некоторого действия или ситуации, в которую вовлечены Я и Другой, могут обладать нерасчлененной семантикой, фиксирующей и оценку Другого и соответствующую ей самооценку со

стороны Я (агенса). Их значение как бы не распределено между действующими лицами: *стыдно, стыд, стыдоба* в зависимости от прагматического контекста могут выражать и оценку Другого и самооценку агенса – и обвинение, и признание. Разумеется, соответствующие высказывания будут различаться по интонации.

Здесь мы хотим обратить внимание на специфическую модальность обвинения. Высказывания *Стыдно! Тебе должно быть стыдно!* не только заключают в себе отрицательную оценку действия (ситуации) и обвинение агенса, в них содержится сверх того элемент квази-перформативности: говорящий своими словами как бы принуждает адресата ощутить стыд, создает в нем ситуацию стыда. Глагол долженствования не имеет в этом случае никакого оттенка предположительности (ср. *Тебе должно быть скучно*) и даже уверенности (*Сейчас тебе должно быть больно* – предупреждение врача). Нельзя видеть в приведенном высказывании также модальность долженствования, поскольку речь идет о неконтролируемом внутреннем состоянии, а не о сознательном действии человека. Апелляция к стыду может, разумеется, потерпеть неудачу. Адресат волен отпарировать: *Нисколько мне не стыдно*, а один ребенок сказать другому *Стыдно, у кого видно*. Это, однако, не лишает "призыв" к стыду модальной специфики, вытекающей из специфики сопровождающей высказывание иллокутивной силы: *Стыдно!* отлично от чисто оценочных высказываний, таких как *Дурно! Нехорошо! Плохо! Гадко! Гадость! Какая мерзость!* Это видно уже из одного того, что от соответствующих слов не образуются глаголы с переходным значением типа *стыдить (пристыдить, застыдить, устыдить)*. С другой стороны, *Стыдно!* отлично и от обвинений типа *Подло! Непорядочно! Преступно!* Оно произносится с особой интонацией, сходной с интонацией "актуального императива", т.е. императива, рассчитанного на немедленное выполнение, типа *Входите же!* (наблюдение С.В. Кодзасова). *Стыдно!* является уникальным высказыванием перформативного типа, способным к непосредственному изменению внутреннего климата адресата. Это своего рода магическая формула. Никакие другие попытки "трансплантации" эмоций не имеют сходного с ней эффекта. Заметим, что в английском языке апелляция к стыду обычно выражается формулой *Shame on you!* В ней акцент ставится на "внешнем виде", позоре. Модальная специфика апелляции к стыду вытекает из некой "солидарности" обвинителя и обвиняемого, внушаемости стыда или, лучше сказать, подверженности стыду той категории общества, к которой в норме она бывает обращена. Не случайно высказывания, взывающие к чувству стыда, так часто используются взрослыми в воспитательных целях. Воспитание стыдом оказывается более эффективным, чем воспитание совестью: стыд не нуждается в морализировании. Он возникает спонтанно. Он минует разум. Совесть – неотъемлемая собственность индивида. Она действует независимо от Другого. Она не учит социальному этикету. Совесть позволяет человеку войти в контакт с Богом, стыд – с социумом.

Стыд и совесть, как уже отмечалось, знаменуют собой два этапа в формировании феномена человека. В основе обоих лежит сознание – способность судить о себе с внешних позиций, отводимых Богу или социуму. Совесть имеет голос. Это голос Всевышнего (Высшей силы). С ним не спорят. Стыд "безголос", но жгуч. Стыд и совесть создают индивида и социального человека. Стыд воспитывает нравы, совесть – нравственность. Стыд оберегает от бесстыдства, совесть – от безнравственности. Границы стыда расширяет цивилизация, границы совести – религия. Стыд реагирует на отступление от социальной нормы, совесть – на нарушение нравственного закона. Стыд реактивен, совесть в большей мере регулятивна. Стыд толкает к сокрытию, совесть – к признанию. Преодоление стыда создает жанр исповедального жизнеописания; подчинение диктату совести создает жанр исповеди-покаяния. Страх стыда оберегает достоинство человека, страх перед лицом совести оберегает душевное спокойствие. "Теперь себя познал я, и в душе \ Мир, что превыше всех земных блаженств \ Спокойная, утихнувшая совесть" (Шекспир, "Генрих VIII").

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бахтин М.М. 1979 – Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Волошин М.А. 1988 – Лики творчества. Л., 1988.
- Геров Н. 1904 – Речникъ на българский языкъ. Ч. 5. Пловдивъ, 1904.
- Даль В.И. 1980 – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4., М., 1980.
- Дьяченко Г. 1993 – Полный церковно-славянский словарь. М., 1993 (репринт издания 1900 г.).
- Захарьин Д. 1995 – "Я хочу" в истории и языке русской цивилизации // *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität*. München, 1995.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. 1974 – Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Ларин Б.А. 1958 – Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений (*стыд – срам*) // Вестник ЛГУ. Т. 14. Л., 1958.
- Лотман Ю.М. 1970 – О семиотике понятий "стыд" и "страх" в механизме культуры // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. 17–24 августа 1970 // Тарту. 1970.
- Маковский М.М. 1992 – Лингвистическая генетика. М., 1992.
- Преображенский А. 1910 – Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914 (репринтное издание).
- Рильке Р. 1994 – М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1994.
- Синицына И.Е. 1978 – Обычай и обычное право в Африке. М., 1978.
- СРНГ 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.
- Соловьев В.С. 1996 – Оправдание добра. М., 1996.
- Срезневский И.И. 1958 – Словарь древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958.
- Толстой Н.И. 1995а – Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстой Н.И. 1995б – Верх – низ // Славянские древности. М., 1995.
- ТС 1987 – Тураўскі слоўнік. Т. 5. Минск, 1987.
- Фасмер М. 1971 – Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.
- Deleuze G. 1972 – Michel Tournier et le monde sans autrui // Tournier M. Vendredi ou les limbes du Pacifique. Paris., 1972.
- Elias N. 1976 – Über den Prozess der Zivilisation. Bd. I. II. Baden-Baden, 1976.
- Ernout A., Meillet A. 1959 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. Paris., 1959.
- Ortega y Gasset J. 1972 – El hombre y la gente. Madrid, 1972.
- Sartre J.P. 1943 – L'Être et le Néant. Paris, 1943.
- Slovar 1985 – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Т. 4. Ljubljana. 1985.